

СЕМАНТИКА І МІФАПАЭТЫКА ТРАДЫЦЫЙНАЙ АБРАДНАСЦІ

Римма Ковалева

ТЕМА «КОЛОДКИ» В МАСЛЕНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Rimma Kovaleva

TOPIC «PADS» IN SHROVETIDE RITE

В статье выявляется множественный мифоритуальный смысл масленичной «колодки» и приводятся доводы в пользу продуцирующей функции данного обрядового атрибута.

The article reveals the multiple mythoritical meaning of the Maslenitza's «Kolodka» and argues in favor of the producing function of this ritual attribute.

Масленичная «колодка», с семиотической точки зрения, – акционально-атрибутивный знак, нашедший вербальное выражение. Так, песня из д. Ляды Дубровенского района о колодке, страстно желающей масла, сочетается с масленичным обычаем вешать на шею или привязывать к ноге «колодку»: «Калодка рагочыць, // Сыра, масла хочыць. // Ці спёкса блін, // Ці зварыўся сыр?» [6, с. 4]. Отношение знаков к их объектам Ч. У. Моррис назвал *семантическим измерением семиозиса*, а изучение этого измерения *семантикой* [7, с. 50]. В таком случае десигнат становится условием функционирования знака «колодка» в пределах масленичного комплекса. Задача интерпретатора состоит в выяснении аспектов процесса семиозиса.

«Колодка» доставалась неженатым парням и незамужним девушкам, однако отмечались случаи, когда ее накидывали на шею женатому мужчине. Если оставаться в пределах синтактики визуального сюжета и популярных представлений о назначении «колодки», можно прийти к разноплановым выводам. Особенно впечатляет интерпретация В. Соколовой: «Этот обряд колодки – трансформация древнейшего обряда изготовления и уничтожения изображения зимы...» Исследовательница категорически не согласна с Г. Носовой, что деревянная колодка заменила куклу, которой приписывалось магическое воздействие на плодородие [11, с. 58].

Фольклористы устойчиво интерпретируют «колодку» как орудие наказания за безбрачие молодежи, не выполнившей свой социальный долг [3, с. 118]. Однако можно рассматривать обычай иначе – как продуцирующий, когда через цепочку *сыр – масло – колодка* эротической силой символически наделялись недозревшие, те, кому еще только предстоит вступить в брак, пассивные, не успевшие в минувший мясоед посвататься и сыграть свадьбу, а также, возможно, бездетные. В таком случае в ином свете предстает избавление от «колодки», которую, кстати, могли символизировать не только обрубок дерева, бревно, ступа, но также ленточка, веточка, цветок с ленточкой и т.п., что позволяет рассматривать ее как реминисценцию свадебной атрибутики: «Калі хлопец не жадаў цягаць гэты цяжар за сабою ўвесь дзень, то мог адкупіцца ад жанчын некалькімі манетамі» [3, с. 118]. А если исконной функцией была благодарность за «колодку», подобная колядному одариванию за магические пожелания? В ряде моментов масленичные обряды переосмысливались, но в локальных песенных версиях обнаруживаются прозрачные элементы, раскрывающие древнее понимание Масленицы как времени эротически окрашенных взаимоотношений: «Ай, Маслініца-каўзуха! // Працягніся ты да Духа! // А не так да Духа, // Як да Тройцы. // Ай, Маслініца-каўзуха, // Прыцягніся да Духа! // Каб любілі малоўшцы» [6, с. 37]. В одном из закарпатских сел Масленицу не случайно называли «блудны тыждень» [11, с. 59]. В русских песнях Масленицу величают «маткой» [8, с. 262] и стыдят за невыполнение обязанностей: «Маслена! Маслена! // Где же это видно? // Ох, и да что ж тебе, Маслена, // Да не стыдно? // Да не стыдно? // Ох, и мясоед прошел – // А я не женился» [8, с. 266]. «Тема символического осуждения неженатой молодежи» – особая глава в книге Т. Агапкиной, где подробно рассматриваются локальные формы «колодки» в системе славянских обычаев, отдельно славянская «колодка», ее символические и семантические акценты [1, с. 228–242]. Для нас важны отмеченные ею обычаи «провоцирования брака» [1, с. 238], «восприятие колоды как ритуального заместителя недостающей пары» [1, с. 234] и др., с чем, в общем, согласуется наше понимание мифоритуальной семантики масленичной «колодки».

Данный обрядовый атрибут семиотически значим, в определенном роде он вещественная «память смысла». Здесь уместно напомнить, в виде чего почитались греческие боги, чтобы не видеть в колодке только орудие наказания: Гера – в виде обрубка древесного ствола или доски, мать Аполлона Латона – в виде необделанного полена, Артемида – в виде чурбана [5, с. 46]. В различного рода источниках неоднократно упоминалось о языческом обычае поклонения идолам в виде деревянных и каменных столбов [10, с. 31–40]. В таком случае Г. Носова, увидевшая за «колодкой» куклу, была, пожалуй, ближе к истине, чем В. Соколова, посчитавшая Колодия-колодку изображением зимы, от которой хотят отделаться. Исследователи, пытающиеся обойтись без семиотики, рискуют остаться во власти трансформированных интерпретаций «колодки» и Масленицы в целом, но заинтересованный ученый обратится к фольклору в надежде установить связи масленичного атрибута с определенными деталями повествования. Наиболее очевидно продуцирующая функция «колодки» выявляется в свете тех нарративов, где повествуется о давней вере белорусов. Четыре из них помещены во втором издании тома БНТ «Легенды і паданні» (2005). При всех изменениях текстов, приспособляющихся к новой языковой действительности, данные фольклорные произведения в силу своей традиционности до последнего стремятся сохранять содержательное ядро и ключевой концепт, без которого теряют смысл. Таким концептом является «калодка» как ритуальный атрибут, с помощью которого человек вступал в договорные отношения с богом. Они в гораздо меньшей степени зависят от индивидуального произвола или переосмысления сюжета, чем обрядовый дискурс. Ядром нарративов является ситуация перехода от неструктурированных отношений с богом к структурированным через акт молитвы: «Кажуць, што даўней на пачатку света людзі не ўмелі маліцца, так адзін паказаў, каб так маліцца. С্কочыць праз калодку і кажа: – Табе, божа! – Потым назад: – Мне, божа!» [4, с. 111].

Согласно Р. Барту, «каждому осознанию знака (символическому, парадигматическому или синтагматическому) или, во всяком случае, первому с, одной стороны, и двум другим – с другой, соответствует некоторый момент рефлексии,

индивидуальной или коллективной» [2, с. 247]. Для самих зачинателей традиции моления реальная колода становится синтагматическим знаком, включенным в кодифицированную коммуникативную ситуацию, цель которой – разделение чего-то между молящимся адресантом и сакральным адресатом.

При семиотической интерпретации «колодки» как объекта определенного «видения» она включается в мифоритуальную религиозную парадигму и становится «осязаемой идеей» [2, с. 250–251]. Ее значение выясняется через обращение к другим текстам, кодам и нормам в народной культуре. Отсюда возможность рассматривать масленичную «колодку» в разных парадигматических системах одновременно. Свое сакральное значение она обнаруживает в сопоставлении не только с деревянными идолами языческой древности, но и с колодой, сохранившейся в белорусских прозаических нарративах.

Превращение обычной деревянной колоды в обрядовый элемент происходило благодаря ее персональному сцеплению. Контекстная семантизация кардинально изменяла функцию колоды с продуцирующей на изолирующую в том случае, когда объектом воздействия был старый холостяк. Масленичный обычай «рокового» сватовства требовал от девушки и ее родителей соглашаться на любое предложение, даже если оно исходило от перестарка или другого нежеланного жениха: «Бо, як прыйдзе ў сваты ў дзень Масленіцы, то хочаш-не хочаш, а замуж за яго ідзі, бо так было ў старыну». Чтобы нейтрализовать опасного жениха, девушки прибегали к помощи колоды: «бо ўжэ як дзе ў сяле буў стары халасты хлопец, то дзеўкі стараліся падперці дзверы яму калодаю, шоб ён на Масленіцу з хагы не вылез, шоб не прыйшоў у сваты» [9, с. 92–93]. Вероятно, колода служила ритуальным знаком для старого холостяка и выполняла роль магической черты, переходить которую он не имел права.

Таким образом, масленичная «колодка» не монофункциональна: она конденсирует в себе множественный мифоритуальный смысл, выходящий за пределы обрядности.

Список литературы:

1. Агапкина, Т. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. Агапкина. – М. : Индрик, 2002. – 816 с. (Традиционная культура славян. Современные исследования).
2. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. Косикова. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
3. Беларускі фальклор : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Г. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2. – 832 с.
4. Легенды і паданні / склад. М. Грынблат і А. Гурскі; рэд. тома А. Фядосік. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 552 с.
5. Лосев, А. Мифология греков и римлян / сост. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. Тахо-Годи и И. Маханькова / А. Лосев. – М. : Мысль, 1996. – 975 с.
6. Масленічныя песні : метада. указанні і іл. матэрыял да правядзення фалькл. практыкі студэнтаў I курса філал. фак-та / аўт.-склад. : Р. Кавалёва [і інш.]; пад рэд. Р. Кавалёвай. – Мінск : БДУ, 2008. – 40 с.
7. Моррис, Ч. У. Из области основной семиотики / Чарльз Уильям Моррис / Семиотика: Антология / сост. Ю. Степанов. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.
8. Поэзия крестьянских праздников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и прим. И. Земцовского – Л. : Советский писатель, 1970. – 636 с.
9. «С любовью к родной земле...» Т. 1. «Пад песні задуманныя Пачэсея...»: Народная духоўная культура Жыткаўшчыны / отв. ред. В. Новак, О. Солопова, А. Кострица, В. Шинкаренко. – М. : Исторический факультет Московского университета, 2017. – 710 с. – (Труды исторического факультета МГУ, вып. 105. Сер. II, Исторические исследования 58).
10. Скварчэўскі, З. Па слядах багоў : нарысы беларускай міфалогіі / Зміцер Скварчэўскі. – Мінск : Медысонт, 2019. – 160 с.
11. Соколова, В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. – М. : Наука, 1979. – 287 с.

Ольга Шарая

ТРАДИЦИОННОЕ ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДА «ВОЖДЕНИЯ КУСТА»

Olga Sharaya

TRADITIONAL TIME OF THE CALENDAR RITE OF «VOZHĐENIE KÚSTA»

В статье представлен анализ результатов исследований по вопросу о времени проведения календарного обряда «вождение Куста», показано, что календарный обряд «вождение Куста» в современном ареале его бытования проводился только один раз в году и только на Троицу.

The analysis of research results on the timing of the calendar rite of «vozhdenie Kústa» is presented in the paper. It is shown that the calendar rite of «vozhdenie Kústa» in the modern area of its existence was carried out only once a year and only on Trinity.

Приуроченность к празднику Троицы отмечалась всеми авторами, которые описывали обряд «вождение Куста» на Пинщине в XIX в., начиная с первой публикации об обряде Л. Голембиовского (1831). Когда Д. Фрэзер работал над книгой «Золотая ветвь», в научной литературе приуроченность обряда «вождение Куста» к Троице была общепризнанной. Приуроченность к Троице рассматривалась Д. Фрэзером как важная характеристика этого обряда.

Куст (Куста) («водыты Куста», «ходыты ў Куста», «ходыты ў Куст») – архаический календарный обходный обряд, который исполнялся на второй или первый день Троицы [7, с. 69; 8; 9, с. 127; 11, с. 197; 15, с. 150].

Альтернативный подход к рассматриваемому обряду начал формироваться в конце 70-х годов XX в. В работе «Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя на Полесье» (1978) Н. и С. Толстые писали: «В большинстве случаев этот обряд приурочен к троице..., но может быть связан с другими датами народного календаря, в частности с Купалой» [6, с. 117]. Однако нет достоверных эмпирических данных о проведении обряда «вождение Куста» на Купалу. Обрядом «Куста» действия на Купалу, описанные М.Федеровским в XIX в. в Лысково, не являлись [8; 10, с. 54–63; 12, с. 283–285; 287; 17, с. 315–316]. Проведённые нами полевые исследования в д. Лысково Пружанского района Брестской области (в прошлом местечко Волковысского уезда) и окрестных сёлах показали, что уже в конце XIX в. некоторые фрагменты